

— Это ещё что такое? Где ты это откопал? — спросил Цинь Яо, вертя в пальцах обрывок бумаги.

Листок был испещрѐн извилистыми линиями и крупными кругами. Рядом с ними виднелись пояснения. Цинь Яо бегло просмотрел их, выхватил взглядом слова «Засохшая софора» и передал находку Чжан Цзыману. Сам он предпочёл сосредоточиться на Сяо Цзяне — парне в очках, который то ли и впрямь был храбрецом, то ли просто мастерски прикидывался трусом.

Тот заметно занервничал. Он несколько раз воровато взглянул на Чжан Цзымана, но тот уже полностью погрузился в изучение схемы, не удостоив парня даже коротким взглядом.

— Я... я нашёл это в комнате Лу Чжао, — прозаикал Сяо Цзян.

Цинь Яо бесстрастно подмигнул напарнику: «Не врѐт».

Чжан Цзыман почувствовал, как от этого мимолётного жеста ёкнуло сердце, но внешне остался непоколебим и лишь сдержанно кивнул.

— Есть ещё какие-нибудь зацепки? — Цинь Яо помог дрожащему парню присесть на кровать, не спуская с него глаз. — Ты ведь пропадал где-то весь день?

— Я просто... просто ходил вдоль реки Ваншуй, — лепетал Сяо Цзян. — Больше никуда не совался.

— А то, что на бумаге... ты в этом что-нибудь понимаешь? — Цинь Яо указал на листок в руках Чжан Цзымана.

Парень кивнул:

— Кажется, это карта. Но я не знаю, какая именно местность там изображена.

— Вот оно что. Понятно.

Цинь Яо поднялся, освобождая место.

— У меня вопросов больше нет. Отдыхай. И помни: ни в коем случае не зажигай ту лампу.

— Хорошо, — парень залез под одеяло, натянув его до самого живота.

Он остекленел, глядя в потолок. Казалось, напугай его сейчас кто-нибудь ещё хоть немного — и душа окончательно расстанется с телом.

Стоило им выйти за порог, как Чэн Минь тут же перехватил Цинь Яо.

— Ну как? Он что-нибудь выложил?

— Обсудим у нас, — Цинь Яо кивнул за спину, где Юй Фансюй вертел в руках ту самую бумаженцию. — В рюкзаке Лу Чжао была карта. Посмотрите, может, разберётесь.

В комнате Сяо Цзян, ещё мгновение назад лежавший бревном, резко вскочил, едва стихли шаги в коридоре. Он выудил из кармана висящего за дверью пиджака ключ.

Ключ был длиной с человеческую ладонь, пронзительно-алого цвета. Его остриё, разделённое на четыре грани, напоминало хищный крест — таким легко можно вскрыть плоть. Основание же венчало зловещее изваяние: существо с длинными клыками и глазами, расположенными прямо на макушке, попирало ногами нечто, похожее то ли на облако, то ли на порыв ветра.

Сяо Цзян бережно обернул ключ тканью, спрятал в карман и, приоткрыв дверь, воровато огляделся. Коридор тонул в безмолвии. Сняв ботинки и прижав их к груди, он вышел наружу босиком. Ступал он осторожно, словно по тонкому льду, не издавая ни звука.

В комнате Чжан Цзымана и Цинь Яо...

Цинь Яо, скрестив руки на груди, с нескрываемым скепсисом взирал на двоих на кровати напротив. Чэн Минь и Юй Фансюй вцепились в углы карты, склонив головы друг к другу. Чэн Минь, всё ещё обиженный, изо всех сил старался держать дистанцию, но Юй Фансюй то и дело нарочно притирался к его плечу, за что немедленно получал тычок локтем.

Этот молчаливый бой продолжался без конца.

— Да прислонись ты уже нормально, чего ломаешься! — не выдержал Цинь Яо.

Юй Фансюй многозначительно поиграл бровями, полностью разделяя это мнение. Чэн Минь же сделал вид, что внезапно оглох и ослеп.

В этот момент Чжан Цзыман с глухим стуком навалился на Цинь Яо, буквально впечатав его в кровать.

— А-ах! — вырвалось у того.

Чэн Минь и Юй Фансюй синхронно замерли. Это что, сеанс публичной демонстрации «весенних картин»?

— Ты что творишь?! — Цинь Яо попытался оттолкнуть голову напарника, уткнувшуюся ему в изгиб шеи. Но Чжан Цзыман лежал неподвижно, словно в обмороке, закинув руку ему на живот.

— Эй, ты там не вырубился? — подколот его Цинь Яо. — Или проголодался и капризничаешь?

— Ты же сам сказал: «Хочешь прислониться — прислоняйся», — глухо пробормотал Чжан Цзыман.

Он коснулся кожи горячим дыханием, и Цинь Яо невольно вспомнил жар чужих губ. Его словно током ударило — он с удвоенной силой отпихнул Чжан Цзымана. Тот лишь недоуменно взглянул на покрасневшегося напарника: «Я ведь всё сделал по инструкции».

Чэн Минь бросил на Чжан Цзымана долгий взгляд. Кто бы мог подумать, что этот вечно правильный тип умеет так виртуозно навязываться?

— Нашли что-нибудь? — Цинь Яо поспешно пригладил взлохмаченные волосы, переводя тему.

Чэн Минь качнул головой:

— Пока нет. Лу Чжао говорила, что ходила с деревенским старостой к храму горного бога. Придётся наведаться туда лично, по бумажке мы ничего не сопоставим.

— Когда? Завтра? — спросил Цинь Яо. — Нас осталось всего ничего. Если события продолжат развиваться в том же духе, скоро очередь дойдёт и до нас.

Они быстро прикинули: помимо их четвёрки и парня в очках, выживших Странников времени осталось не больше трёх. Причём те, с кем Чэн Минь и Цинь Яо пытались заговорить, либо были в полном неведении, либо наотрез отказывались сотрудничать. А то и вовсе могли оказаться лишь призрачными тенями этого мира.

— Выдвигаемся завтра на рассвете, — распорядился Юй Фансюй. — Староста просыпается между половиной седьмого и семью. Так что в шесть мы должны быть на ногах.

— А ты-то откуда знаешь? — подозрительно прищурился Чэн Минь.

— Ну, знаешь ли, кое-кто не умеет спать спокойно и вечно лягается во сне, — Юй Фансюй сокрушённо похлопал себя по колену. — Приходится вставать и поправлять одеяло.

— Вовсе я не... — Чэн Минь осёкся, чувствуя, как почва уходит из-под ног.

— В последние ночи — нет, — охотно подтвердил Юй Фансюй. — Всё-таки на одной кровати спим, ты стал куда... смирнее.

Почуввав в этих словах двусмысленность, Чэн Минь бросился оправдываться перед остальными:

— Не подумайте ничего такого! У него просто кровать развалилась, и я...

— Ага, — вкрадчиво перебил его Юй Фансюй, — развалилась в щепки...

Чэн Минь замолчал. Чем больше он пытался выпутаться, тем гуще становилась паутина. Чжан Цзыман же, глядя на две деревянные кровати в их комнате, задумчиво прикинул: «А ведь это отличная идея».

Этой ночью Чэн Минь ворочался, раздираемый предвкушением и тревогой. Завтра они доберутся до храма, и все эти маски богов и демонов, возможно, будут сорваны. Но в то же время его грыз страх: не случится ли чего прямо сейчас?

Юй Фансюй лежал поодаль. Чэн Минь обернулся — в лунном свете черты лица напарника казались резче, суровее, но лоб был разглажен, а губы плотно сжаты. Подушка живописно взлохматила его волосы.

Чэн Минь невольно расслабился. Он закрыл глаза, прогоняя лишние мысли. Чему быть, того не миновать. Чего бояться?

Человек рядом едва заметно шевельнул ресницами. Юй Фансюй бесшумно открыл глаза, в которых отразилось серебро луны. Глядя на беззащитно заснувшего Чэн Миня, он улыбнулся.

Утром первые лучи солнца просочились сквозь щели в дверях. Чэн Минь, протирая глаза и зевая во весь рот, глянул на лестницу:

— Что они там застряли? Черепах выгуливают?

— Идут уже, — отозвался Юй Фансюй.

По ступеням спускались Цинь Яо и Чжан Цзыман. Первый был пунцовым, словно его

ошпарили, второй — как всегда, невозмутим.

— Ты чего такой? Лицо с утра кипятком мыл? — язвительно осведомился Чэн Минь, страдавший от утренней недосыпности.

Цинь Яо что-то невнятно буркнул и первым выскочил за дверь. Чжан Цзыман на мгновение задержался, вежливо кивнув друзьям:

— Доброе утро.

Вид у него был на редкость довольный.

Чэн Минь всё понял без слов и поспешил за Цинь Яо. Юй Фанской поравнялся с Чжан Цзыманом и, прикрыв лицо ладонью, шепнул:

— Ну как, брат Чжан, каков эффект?

— Эффект превосходный, — кивнул тот. — Благодарю за совет, брат Юй.

Обменявшись понимающими улыбками, они вышли наружу.

Чэн Минь тем временем наседавал на Цинь Яо, пытаясь выпытать правду, но тот упёрся как баран.

— Он что, тебя... — Чэн Минь указал на восходящее солнце, —...того?

Цинь Яо опешил:

— Что?

Чэн Минь, убедившись, что свидетелей нет, зашептал что-то напарнику на ухо. Цинь Яо вспыхнул с такой силой, что, казалось, над головой сейчас заструится пар.

Заметив это, Чэн Минь ахнул:

— Да ладно?! Неужели правда? Тебе мазь не нужна? В первый раз часто бывают травмы, с этим лучше не шутить.

— Да пошёл ты! — взорвался Цинь Яо, раздув щёки, как рассерженный иглобрюх.

— Ну так колись, что случилось! — Чэн Минь не унимался, находя чужую реакцию крайне забавной. — Хоть намекни.

Бросив короткое «отвали», Цинь Яо припустил вперёд, уткнувшись в карту, хотя мысли его были бесконечно далеки от топографии.

«Мало того, что улёгся рядом... так ещё и прижался вплотную...»

«И ладно бы просто прижался... но ЭТО-ТО откуда взялось?!»

«А ещё говорит... "любой мужчина по утрам полон сил"...»

Даже самый недогадливый человек на его месте уже бы всё осознал. Цинь Яо потрянул своей жёлтой шевелюрой, пытаясь вытрясти из головы наваждение.

— О, а вы куда это собрались?

В поле зрения Цинь Яо возникли кожаные сандалии. Он медленно поднял взгляд и с трудом выдавил:

— Дядя...

На дороге, преграждая им путь, стоял староста — Юэ Шэн. Сегодня он выглядел иначе: на голове красовался венец из свежих, ещё в капельках росы трав, а за спиной висело старое охотничье ружьё. Из таких нужно перезаряжаться после каждого выстрела — на кабана с ним не пойдёшь, зато на мелкую дичь в самый раз.

— Чего это вы сегодня в такую рань? Обычно ведь до обеда дрыхнете, — подмигнул староста, приподнимая руку.

В кулаке он держал за уши крупного зайца. Судя по всему, тот уже испустил дух.

— Не завтракали ещё? Пойдёмте к дяде, я его зажарю, — староста по-хозяйски приобнял Цинь Яо за плечи, разворачивая назад. — Зайчатина — пальчики оближешь. Насадим на бамбуковые вертела, на огне жирок зашкварчит... солью присыплем — объедение!

Цинь Яо окончательно растерялся. Силища у старосты, привыкшего к крестьянскому труду, была недюжинная, так что пришлось подчиниться.

Троица издалека увидела, как их товарищ попал в «плен». Чэн Минь поспешил на выручку:

— Дядя Юэ Шэн, доброе утро!

— Утро, — староста улынулся им не так радушно, как Цинь Яо, но вполне вежливо. — Куда путь держите в такую рань?

— Да так, решили прогуляться, — попытался выкрутиться Чэн Минь.

— Прогуляться? — староста прищурился и погрозил им пальцем, словно неразумным племянникам. — Не пытайтесь обмануть дядю. Колитесь: решили втихаря в храм горного бога наведаться?

<http://bllate.org/book/17517/1657654>